

“Он никто. Он один из моряков, которые исчезнут, когда мы доберемся до Серлио. И так, что же в нем такого особенного? Почему ты так чувствителен только к Эду, когда я, например, тоже ссорюсь с Маренцио?”

‘...Она права’.

Сезар понял, что зашел слишком далеко с Лил. Он начал сомневаться в ее привязанности по наитию, что в конечном итоге привело к тому, что он стал обращать внимание на каждое ее движение. Вся эта ситуация заставляла его беспокоиться, но было нечестно вымещать это на ней.

“Мне жаль, Лилоа”.

Лил кивнула головой. После того, как Сезар обнял ее, он покинул капитанскую каюту.

“Тот факт, что я продолжаю становиться чувствительной, не идет на пользу ни мне, ни Лилоа, которой явно трудно справиться с моими сомнениями... В какой-то момент игра Эдгара приняла худший оборот и начала наносить гораздо больший ущерб, чем я ожидал.”

Сезар больше не собирался просто спокойно наблюдать за Эдом.

Эд, который лежал на своей кровати, прислонившись спиной к изголовью, поковырял в ухе и попросил внести ясность.

“Прости, что?”

Не сбиваясь с ритма, Сезар повторил то, что сказал раньше.

“Я же говорил тебе больше не обманывать Лилоа. Перестань кормить ее всякой чушью и прекрати свое лицемерие”.

“Лицемерие?”

“Я знаю, что ты говорил, чтобы соблазнить ее”.

Эд скрестил руки на груди и рассмеялся в пустое пространство.

“Хахаха..!”

“ ... ”

Затем он закрыл рот и ухмыльнулся Сезару.

“О, пожалуйста, просвети меня, как я ее соблазнил?”

“Не будь жалким, ты можешь бросить эту вежливую шараду со мной”.

“Что это? Ты считаешь своего любовника дураком, который клюнул на какую-то случайную чушь?”

“Любой может сказать то, что Лилоа хочет услышать. Что все одинаковы, независимо от социального положения, что рабы должны быть освобождены или что вы можете помочь ей делать то, что она хочет делать. Разве не поэтому ты помог ей, ничего не прося взамен, чтобы сказать ей это?”

“Вовсе нет”.

“Ты просто выбираешь легкий путь, я мог бы сделать то же самое, если бы захотел”.

“Она действительно может сделать все, что угодно, без чьей-либо помощи”.

“Я сказал тебе перестать притворяться передо мной”.

“Но это правда”.

На лице Сезара было недовольное выражение, от которого он не мог избавиться. Очевидно, Сезар действительно думал, что Эд только притворяется перед Лил. Эд вспомнил свои воспоминания, задаваясь вопросом, когда его репутация упала так низко.

‘Неужели я действительно похож на человека, достаточно отчаявшегося, чтобы отбросить свои убеждения и завоевать кого-то ложными предложениями?..’

“Так ты добровольно отказываешься от части себя ради женщины?”

“Капитан. Ты несешь чушь. Ты думаешь, Лилоа жаждет твоего положения?”

“Жажда?”

“Как ты думаешь, она в конечном итоге лишит тебя мужского положения?”

“ ... ”

Несмотря на то, что Сезар не ответил, на его лице было выражение неохоты.

“Ты действительно думаешь, что женщины ничего не могут сделать сами?”

“Лилоа - женщина, а мужчины и женщины разные. Не ослепляй ее, скрывая очевидное.”

“Разные, вы говорите, вы можете хотя бы определить эту разницу?”

“Лилоа и так в достаточной опасности. Эта жизнь всегда была непредсказуемой, так как же тебе вообще пришла в голову идея затащить раненую женщину в море?”

“Любой, кто тебя услышит, подумает о ней как о стеклянной кукле. Погружение в море не разрушит ее жизнь, так какой смысл беспокоиться? Она будет постепенно выздоравливать день ото дня”.

“Не говори о Лилоа опрометчиво. Я не обращаюсь с ней как со стеклянной куклой, и я не думаю, что с ней следует обращаться как со стеклянной куклой”.

“Но ваше поведение противоречит тому, что вы говорите. Если ты говоришь, что все в порядке, значит, так и должно быть. Итак, что мешает вам продолжить свою речь? Это не похоже на то, что ты присматриваешь за ребенком.”

“Потому что кто-то должен ее защищать”.

Эду начинал надоедать их разговор. Внезапно вошел Сезар и произнес проповедь, но был предел тому, чтобы принять такую проповедь, учитывая чувства Эда к Лил. Эд не хочет, чтобы Лил была несчастна, однако частью этого счастья было то, что она надолго осталась со своим нынешним возлюбленным.

‘Насколько это будет ужасно, если они будут думать, что прекрасно ладят, только чтобы обнаружить, что их отношения ухудшаются?’

Вот почему действия и слова Сезара были тщательно изучены. Эд пришел к выводу, что консервативное отношение Сезара было просто началом их несчастья.

“Почему ты считаешь Лилоа слабой? Из того, что я видел, она явно не такая.”

“Это мой долг - защищать ее”.

“Она не хочет такой защиты, если единственная причина в том, что вы видите ее слабой и хрупкой. Разве не так ты обращался с ней во время и после битвы с Мэриан?”

“Для меня вполне естественно беспокоиться о ней”.

“Проблема в том, что ты беспокоишься о ней, потому что она женщина, вместо того, чтобы видеть в ней личность. Ты беспокоишься о ней не потому, что она сделана из мышц и костей, а потому, что видишь в ней слабую женщину, верно?”

Когда начала усиливаться мигрень, Сезар начал массировать виски. Возможно, это было незаметно, но Эд заметил его усталость.

‘Мы уже некоторое время говорим о Лилоа, но я вообще не чувствую никакой связи между ними двумя’.

Эд слегка наклонил голову.

"Так почему он все еще на этом корабле... или лучше, почему она все еще здесь?"

“Не искажай мои слова”.

Эд внезапно, казалось, понял, в чем заключался самый большой конфликт между Сезаром и Лил.

"Видя, как Сезар поднимает такой шум из-за травмы Лилоа, он ни за что добровольно не согласился на пиратскую жизнь. Также ясно, что Сезар не заинтересован в освобождении рабов или сотрудничестве с Южной лигой..."

Затем Эд вспомнил время, когда Лил пила и рыдала в одиночестве.

‘...У этой трагедии есть только один конец’.

Эд сложил ладони вместе.

“Прежде всего, я хотел бы сказать, что я испытываю к вам уважение. Я чувствую, что являюсь свидетелем наивысшей степени привязанности”.

“ ... ”

Сезар пытался выяснить, что за план замыслил Эд. По языку тела Сезара, скрестившего руки на груди и прислонившегося спиной к двери, было ясно, что он не обратил никакого внимания

на комплимент Эда. В любом случае, Эд продолжал говорить то, что хотел сказать. Его приоритетом была Лил, и он был готов помочь, даже если она все еще жила в аду.

“Это невероятно, что ты терпел это годами подряд ради Лилоа. Но не думай, что только потому, что твоего счастья здесь нет, ее счастья тоже здесь нет. Если она действительно нашла свое счастье на этом корабле, значит, так оно и есть.”

“Ты ввел Лилоа в заблуждение этими словами?”

“Нет. Как вы или я можем судить о счастье других? Только вы знаете свое собственное счастье. Счастье - это то, что может расцвести только на почве, богатой стабильностью. Создавая семью или даже занимаясь мелкими делами. В то время как говорят, что счастье большинства расцветает именно так, есть цветы, которые распускаются на склонах утесов, или бутоны, которые прорастают сквозь снег”.

“Ты действительно не знаешь, как ценить людей. То, что ты говоришь это, ясно говорит о том, что тебе вообще наплевать на Лилоа... Ты только что сравнил ее с простым цветком на склоне утеса?”

“Формы заботы о ком-то могут быть разными. Не путай свое счастье с ее. Лилоа, кажется, очень хорошо знает, что нужно делать, чтобы быть счастливой. Она не "женщина", а "Лилоа". Не заключайте ее в рамки женщины, известной только тем или иным”.

“Я никогда этого не делал и не собираюсь делать. Если бы я думал о Лилоа как об обычной женщине, думаешь, я последовал бы за ней сюда? Не делай необдуманных предположений.”

Эд застонал и выпрямился на спине.

‘Ясно, что эта дискуссия будет идти только по кругу, поскольку ни один из нас не намерен отступать от нашего заявления... Я не могу поверить, что он думает, что ее счастье - наименее важная вещь в этих трудных отношениях.’

Эд, растянувшись на кровати, смотрел куда-то в потолок и бормотал.

“...Если ты продолжишь так думать, ты не сможешь увидеть слепое пятно... Ты и Лилоа будете ужасно страдать...”

“ ... ”

Сезар больше не чувствовал необходимости тратить больше слов на этот разговор. Он почувствовал ужасное высокомерие в стремлении Эда вмешаться в отношения между мужчиной и женщиной, которые были известны только им двоим.

‘Это и самодовольное отношение Эдгара, как будто он хорошо знает Лилоа’.

Сезар вышел из каюты, не сказав ни слова.

Эд надвинул шляпу на глаза и поднялся по лестнице на верхнюю палубу. Дождь, который был слышен с того момента, как он прошел через артиллерийскую палубу, стал значительно громче. Из-за того, что дождь шел боком, ему пришлось заслонять лицо рукой, несмотря на то, что он был в шляпе. Пол верхней палубы был усеян ведрами для сбора дождевой воды, а на носу корабля, рядом с носовой частью, полным ходом шла купальная вечеринка.

‘Трафик, вероятно, будет отложен на несколько дней из-за погоды и поврежденного корпуса, который нуждается в ремонте. Даже если это так, это не является серьезной неудачей, потому что у нас будет достаточно воды. Конечно, при условии, что этот дождь не превратится в бурю...’

Эд посмотрел на матросов, приводивших в порядок нос корабля. Видя, как они осторожно двигаются под дождем, казалось, что несколько человек получили ранения. Затем он повернулся к капитанской каюте. Когда корпус, оседлав волны, раскачивался, несколько ведер перекачивались слева направо. В голень Эда попало летящее ведро, что усилило его и без того сильное недовольство.

‘Я сказал ей, чтобы она нашла меня, если действие лекарства закончится или боль станет слишком сильной... Итак, почему это мне нужно тащить его драгоценное тело в такую погоду, если это она не навестила меня вовремя?’

Пробормотав проклятие, Эд пнул ведро, которое попало ему точно в голень.

- Бум. Туррр... -

Ведро, которое покатилося с глухим звуком, остановилось у чьей-то икры. Эд посмотрел на этого определенного "кого-то" без особых раздумий.

“...Капитан?”

“...”

Эд использовал предплечья, чтобы вытереть дождевую воду с глаз. Присмотревшись повнимательнее, он подтвердил, что это действительно Лил, и подбежал к ней.

“Нет, со всем этим дождем..... Капитан? Капитан! Что ты здесь делаешь?”

“ ... ”

Эд схватил Лил за плечо и встряхнул ее. Всякий раз, когда она встряхивалась, дождевая вода, скопившаяся по всему ее телу, стекала вниз. Лил была полностью промокшей. Ее губы посинели, а температура тела была смехотворно низкой. Эд даже представить себе не мог, как долго она там стояла.

“Ты с ума сошел?”

“...Это больно...”

“Где?!”

“ ... ”

Вскоре Эд понял, что его вопрос был бесполезен.

‘Поскольку она не приняла лекарство вовремя, она, должно быть, страдала от боли по крайней мере несколько часов’.

У Лил были раны на боках, лбу, кистях и предплечьях, а также большие и маленькие синяки. И стояние под этим ливнем только усугубляло ситуацию.

- крикнул Эд, надевая на нее свою шляпу.

“Немедленно заходите внутрь!”

“ ... ”

Однако Лил не сдвинулась с места. Хотя она не сделала ни единого шага и не сняла с него шляпу, она не смогла устоять против рук, которые повернули ее плечи. Эд схватил Лил, которая, казалось, потеряла свою душу, и вошел в каюту капитана. Он снял свой плащ и бросил его на пол, прежде чем прошелся по комнате и поставил свою сумку на пол.

“Где полотенца?” - спросил я.

“ ... ”

Как и ожидалось, ответа не последовало. Эд уставился на Лил, которая рассеянно сидела на стуле рядом с дверью, прежде чем открыть сундук под кроватью, который, по его мнению, должен был быть шкафом. К счастью, в нем действительно была одежда и несколько

полотенец. Взяв три или четыре из них, он подошел к ней.

“Какого черта ты это сделал?”

“...”

Эд вытер ее волосы сухим полотенцем. Он знал, что она была совершенно не в своем уме, поскольку не ответила на его доброту. Когда ее волосы больше не промокали, он протянул ей сухой халат.

“Иди умойся и переоденься. Как я могу вот так тебя разглядывать?”

“...”

“Сделай это сейчас, прежде чем я раздену тебя сам”.

<http://tl.rulate.ru/book/69952/2543175>